

Валерий МАККАВЕЙ

Нижний Новгород

ЛЮСЬКА

1

Она любила сдувать облака. Сядет, бывало, на берегу озера, поднесёт к обветренным губам сложенные ромбиком худенькие ладошки и, запрокинув к небу лицо, с таинственной полуулыбкой, начинает выдыхать горячий июльский воздух. Голова её при этом раскачивается из стороны в сторону. Тёплый ветерок, с запахом сухих пшеничных полей, слегка перебирает волосы, словно музыкант струны любимой гитары. Палящее полуденное солнце выжигает на её обнажённых плечах рыжеватые веснушки.

Поднимешь к небу глаза и смотришь, как потревоженные волшебным дыханием беспечные облака суетливо, словно воздушный шарик, скрываются за горизонтом.

– Санька, ты видел? – захлёбываясь от восторга, кричит Люська.

– Конечно, видел! – радостно откликаюсь я. – И как это только у тебя получается? Может, научишь?

– Хитреньким будешь! – лукаво прищуривается Люська. – Сначала догони!

Резко вскочив, она срывается с места.

Мы бежим по пшеничному полю, которое, как праздничный торт, разрезано пешеходными тропами. Золотистые колосья под тяжестью налившихся зёрен клонятся к потрескавшейся от жары земле; высушенными усиками, напоминающими лапки сороконожек, противно касаются разгорячённой кожи.

Я теряю Люську из виду и останавливаюсь. Меня окружает тишина. Слышно только, как трутся друг о друга сухие стебли пшеницы да жужжит захмелевший от пряных запахов лета шмель. Раскинув в стороны руки, я сгребаю в охапку налитые солнцем колосья, и лето шелестящим веником оседает в моих объятиях.

– Санька! – издалека доносится до меня голос Люськи. – Санька, ты где?

Я улыбаюсь и бегу вдогонку.

– Расскажи что-нибудь? – просит Люська.

Мы лежим на стог сена. Белесое, как застиранная простыня, небо, в заплатках ажурных облаков, с трудом удерживает выгоревшее вечернее солнце.

– «Однажды, в студёную зимнюю пору я из лесу вышел...», чтобы пописать, – говорю я.

– Дурак! – обиженно отвечает Люська и отворачивается.

– Люсь, ну ты чего? Смешно же.

– Обхохочешься.

– Ну не злись. Ты, кстати, веришь в НЛО?

– Нет. А ты?

– А чё мне верить, я видел.

Люська поворачивается в мою сторону, привстаёт на локтях и с интересом всматривается в моё лицо. Мне приятно её внимание. Хочется придумать что-то необыкновенное, но ничего не приходит в голову.

– Ну? – торопит Люська.

– Короче, как-то раз я сидел на лавочке и смотрел на небо. Тем вечером был сильный звездопад. Я считал падающие звёзды и загадывал желания. Кстати, я тогда загадал, чтобы ты приехала на каникулы, и видишь, ты здесь.

– Подлиза, – съязвила Люська, но я знал, что ей понравилось.

– Так вот, сижу я, значит, смотрю наверх, даже шея затекла. Пальцы на руках закончились – все позагибал, а звёзды всё падают и падают. Начал было на ногах загибать и тут вижу, как одна звезда движется по небу параллельно земле и то пропадёт, то вновь появится, то пропадёт, то вновь появится. Даже мурашки побежали.

– А какого цвета звезда-то была?

– Ну, красного...

Взрыв смеха разорвал тонкий вечерний воздух и звонким ручейком разлился по округе. Люська согнулась пополам, её шорты немного съехали, обнажив родинку на загорелом бедре.

– Чё ты ржешь?

– НЛО он видел. Ага, щас! – Люська продолжает смеяться. – Это самолёт был, дурачок!

– Да ну? – не поверил я.

– Так да. Когда самолёт летит, у него мигают бортовые огни, ночью их хорошо видно.

Мне стало досадно, что я так лопухнулся.

– Люська, на тебе паук, – кричу я и, оттолкнувшись руками, быстро съезжаю на землю.

Смех переходит в крик, и я чувствую, как позади меня скатывается Люська.

– Полезли, когда стемнеет, в заброшенный дом за ягодами, – говорю я, когда мы, вспотевшие от бега, останавливаемся отдышаться. – Я видел там грядки клубники, крыжовник. Яблок поедим.

– А если поймают?

– Да кто? Там же никто не живёт.

– Я видела, как туда мужик приходил.

– Ну и что? Ночевать-то он там не ночует.

– Ну, давай... – неуверенно отвечает Люська.

В деревне темнеет быстро. Только ты видел, как загоняют коров, которые со скучающим видом, лениво, хвостами, отяжелевшими от запёкшегося на них помёта, отгоняют от себя назойливых мух; как мошकारа, сбившись в стаи, безумным торнадо кружит над тобой; и вдруг, засмотревшись на соседского пса, остервенело скребущего задними лапами грязную холку, поднимаешь глаза, а вокруг чернота, и мрачные силуэты деревенских домов ржавеватыми окнами говорят, что ночь пришла.

4

– Лезь быстрее, тяжело ведь.

Я наклонился и упёрся ладонями в колени. Люська стояла у меня на спине. Не сказать, чтобы это сильно меня беспокоило, но вероятность того, что нас заметят, всё-таки существовала. Тогда попадёт обоим. Перспектива провести остаток лета сидя дома, пропалывая грядки в огороде, совсем не прельщала.

– Лезь быстрее, говорю.

– Если ты не заткнёшься, я начну танцевать, – в подтверждение своих слов Люська стала переминаясь с ноги на ногу. – Да и вообще, я занозу могу засадить.

– Да давай уже...

Люська вцепилась двумя руками в шершавые зубья забора, слегка оттолкнулась, перекинула ногу и, встав на перекладину, ловко спрыгнула на землю.

– Ай, блин! Санёк, здесь крапива, – доносится жалобное причитание Люськи. – Я все ноги сожгла.

– Специально для тебя посадили, – подтруниваю я.

– Не смешно!

– Я, пожалуй, подальше перелезу. Может, там меньше крапивы.

Я направляюсь вдоль забора, поочерёдно трогая доски, представляя себя Колей Герасимовым, преследующим незнакомку в заброшенном доме. Хотелось найти заветную дверь, за которой окажется машина времени. Мы бы с Люськой сразу махнули в будущее, и, может быть, даже полетели на Марс. Интересно, на Марсе есть облака? Люська бы их тоже, наверно, сдувала.

Одна доска покачнулась и сдвинулась в сторону. Вот так удача! Отодвинув её как можно дальше, я начал протискиваться в образовавшуюся щель.

– Люська, миелофон у меня! – приглушённым голосом затянул я.

– Подлец! Ты знал, что здесь лазейка, но всё равно заставил меня прыгать через забор.

– Да не знал я! Просто повезло.

– Ага! Так я тебе и поверила. Ну, веди к своим ягодам.

– Там, где яблоня. Видишь?

– Вижу. Только теперь ты иди первый.

Крапивы и правда было много. Приходилось сначала сминать её ногой и только потом продвигаться вперёд. Потревоженные нашим присутствием комары суматошно кружили над головами.

Клубника была прохладной и сочной. Её сладковатый вкус сопровождался тонкой кислинкой, отчего временами сводило скулы. Совсем скоро наши руки стали липкими от сока.

- Да она наполовину неспелая, – бубнила Люська.
- Просто в темноте не разобрать. Пошли тогда яблок нарвём.
- Они тоже ещё не созрели.
- Ой, можно подумать, ты никогда не ела зелёных яблок.
- Пошли. Только я не буду.
- Как хочешь.

Яблоки висели высоко. Чтобы их достать, нужно было лезть на дерево.

- Люсь, подстрахуй меня. Я быстро.
- Я замёрзла, – Люська поёжилась и скрестила на груди руки.
- Ну, давай я погрею.
- Погрей.

Я неловко обнял её худое тельце. Люська доверчиво прижалась ко мне, положив ледяные ладошки на талию. Что-то неведомое, большое и тёплое пробудилось во мне, потянувшись, сдавило лёгкие и, оперевшись могучими, но мягкими руками в рёбра, заставило пошатнуться.

- Ты чего? – удивилась Люська.
- Ничего. Поскользнулся, – я крепче обнял её и зачем-то спросил: – Люсь, как ты думаешь, на Марсе есть облака?
- Не знаю. Наверное, должны быть.
- Ты бы смогла их сдуть?
- Ты такой смешной. Ну конечно!

Она засунула руки мне под футболку. Моё тело отозвалось мурашками.

- Ты когда-нибудь целовался?
- Нет. А ты?
- Поцелуй меня, если хочешь, – вместо ответа прошептала Люська.
- Хочу.

Её губы были влажными и сладкими, как ягодный торт, и пахли клубникой.

- Саш, а ты знаешь, что такое любовь?
- Любовь-морковь для дураков.
- Вот почему ты такой? Всё время всё портишь...

Люська толкает меня в грудь и отходит в сторону. Трудно понять по её лицу, что она сейчас чувствует.

- Завтра я уезжаю, – говорит она и отводит глаза.
- Куда?

– На море, а потом в город. За мной родители приехали.

Я смотрю на неё и молчу.

- Пошли, проводишь меня.

Мы идём по тропинке вдоль оврага, разделяющего улицу на две части. Собаки приветствуют нас надрывным лаем. Её дом восьмой по порядку. Чёрный бревенчатый сруб с рубероидной крышей.

- Вот и пришли.
- Знаю.
- Ну, иди. Прощаться не будем.
- Ты ещё приедешь? – спрашиваю я.
- Хитреньким будешь! – Люська прищуривается, чмокает меня в щёку и направляется к дому.

Моё сердце сжимается, хочется её догнать, может быть, поцеловать ещё раз, но я молча смотрю ей вслед, жду, пока она закроет калитку.

Домой я вернулся поздно.

Бабушка сидела в уголке под образами и неслышно шевелила губами.

– Баб, ты чего не спишь? – шёпотом спрашиваю я.

– Тебя жду, внучок, – так же шёпотом отвечает бабушка. – Ты, небось, голодный?

– Нет, я яблок поел.

– Ну, ложись тогда. Только тихонько, дедушку не разбуди. Я тоже скоро лягу.

Я направляюсь в переднюю, но на полпути останавливаюсь.

– Баб, а что такое любовь?

Бабушка улыбается и качает головой.

– Любовь – это когда ты увидел в другом человеке образ Божий и всю жизнь полагаешь на то, чтобы он просиял.

Я ложусь на кровать и укутываюсь одеялом.

Однажды я видел, как со старой иконы снимали тёмную олифу и слой за слоем проступали скрытые под ней краски, пока, наконец, она вся не засветилась золотом. Наверное, об этом говорила бабушка.

Под умиротворяющее тиканье настенных часов я заснул.

В следующем году Люська не приехала. Некому было сдувать облака, и всё лето лил дождь.

Виктория ЧИКАРНЕЕВА

Ростов-на-Дону

СИЛЬНЕЕ И БЫСТРЕЕ

1

Елизавета Семеновна не видела внука целый год. Дочка пообещала привезти Владика на летние каникулы. Бабушка радостно ждала его, представляя, как крепко обнимет и поцелует в упитанную щечку. Но, встретив внука, ахнула, удивившись, насколько он стал щупленьким и бледным.

– Ничего, Владюша... Я тебя тут живо откормлю, – обещала она, – у меня скучно не будет. Данька каждый день в гости заходит, будешь с ним играть.

Мамы Владика и Данилы были родными сестрами. Некогда жили в одной станице, даже в соседних домах. Семь лет назад все изменилось. Родители Влада переехали в Петербург и забрали мальчика с собой. Их дом остался на плечах Елизаветы Семеновны. Семья Данилы осталась, не рискнув менять насиженное место.

Владик рос спокойным и задумчивым. На лбу извилистыми узорами тянулись тоненькие венки, а под глазами проступала синеватая дымка. Щеки казались впалыми и желтыми. Ребенок был на голову ниже сверстников, по комплекции напоминал худенькую девочку. Родители бесконечно водили сына по больницам. Врачи проводили нужные

обследования, щедро выписывали направления на многочисленные анализы, а после проверки разводили руками и просили мать не торопить события. Подрастет сын, нужно только подождать.

Владик не умел подтягиваться на турнике, бегал медленнее всех в классе, плохо играл в футбол и среди друзей брата получил прозвище «главного мазилы». Он стеснялся своего худого тела и с завистью смотрел на рослого и быстрого Данилу, с легкостью перепрыгивающего через забор. Они были одноклассниками, но Данька в свои двенадцать лет выглядел на пятнадцать, а Владик едва тянул на десятилетнего мальчика. Вечерами тайком ото всех мальчик запирался в комнате и отжимался, пока перед глазами не мелькали мурашки. Через силу, чувствуя подступающую тошноту, Влад съедал все, что ему предлагали. Каждое утро раздевался по пояс, вертелся около зеркала, смотрел на торчащие ребра и выдающиеся худые плечи. Он не мог понять, куда исчезают килограммы еды, насильно съедаемой за столом.

Елизавета Семеновна родилась в конце пятидесятых годов, больше десяти лет назад вышла на пенсию, вплотную занялась домом и огородом. Завела небольшое хозяйство, даже прикупила пару очаровательных белых козочек. Ужас голода передался ей от матери и двух тёток, переживших войну. Холодильник Елизаветы Семеновны всегда был полон еды, а полки в подвале ломались от разносолов. По утрам она варила молочную кашу, добавляя щедрый кусок домашнего сливочного масла. Жарила блины с оладьями, пекла румяные пирожки с малиной и вишней, с зеленым луком и яйцами. Лепила пухленькие вареники, сдобренные сметаной. Готовила наваристые борщи и супы на утином мясе.

– Кушай, внучек, кушай! А то приехал со своего города как глиста тощий...

– Спасибо, бабушка!

– Совсем тебя родители не кормят! Морят голодом дитя! – продолжала возмущаться.

– Я дома тоже хорошо ем. Просто у меня сложение такое. Астеническое! – пытался защититься Владик, вспоминая, как говорили врачи.

Данила приходил в гости по нескольку раз в день. Задирали брата, прозвали его слабаком и дрыщом, делая это тайком от своих родителей и бабушки. Владик болезненно реагировал:

– Я не слабак, ясно тебе!

– Да? Давай на руках бороться... Слабо? – продолжал задирать Данила.

Мальчики ввязывались в спор. Данька вальяжно подходил к письменному столу и смахивал на пол все вещи. Снимал майку, оставаясь раздетым по пояс. Подрагивал плечами, как делали герои любимых боевиков, разминал руки. Владик просто ждал.

Они садились друг напротив друга и крепко хватались за руки. Влад закрывал глаза, крепко стискивал зубы, даже рычал, пытаясь одолеть брата. Даниле хватало тридцати секунд, чтобы одержать верх. Хотя пару раз Влад продержался около минуты.

– Ну что, съел, да! – с радостью вскрикивал Даня. – А говоришь мне, что не слабак...

– Ничего, мы еще посмотрим, – отвечал побежденный Влад, надеясь, что к концу лета одолеет брата.

– Я тебя сильнее во всем? Не веришь? – подначивал Даниа. – Пошли на турник подтягиваться. Или побежали километр наперегонки?

– В следующий раз, – нехотя отвечал Влад, понимая, что проиграет. Он давно мечтал стать сильнее и быстрее. Но проигрывал двоюродному брату во всем.

После очередной победы Даниа споры заканчивались. Он, чувствуя превосходство, уходил на улицу к друзьям. Брат оставался у бабушки и принимался за новую книгу. Родители оставили сыну планшет, но строго требовали играть не больше часа в день. Владик соблюдал правило, после очередного пройденного уровня он клал игрушку на место, в верхний ящик стола.

Мальчик много читал, его завораживали приключения. Воображение уводило в далёкие края, всякий раз он оказывался в каюте у смелого и грозного капитана, направляющего корабль на поиски затерянных миров. В следующий раз бросался спасать галактику, рассекал космос на летающей тарелке. Потом отправлялся в опасное путешествие по пустыне, сражался с разбойниками и одичалыми племенами, защищал богатства каравана.

– Владик, пошел бы к Дане, погулял с ним, – тревожила бабушка.

– Ага, сейчас дочитаю страничку, – отвечал внук и продолжал читать еще несколько часов подряд.

Вечерами он нехотя выходил на школьное поле к Даниле и его друзьям. Владик побаивался не то мяча, не то дико кричащих пацанов, сносящих все на своем пути. Плохо пасовал и не умел стоять на воротах, ошибался в силе удара, а когда ему улыбнулась удача и пришлось бить пенальти в пустые ворота, мальчик разогнался, поскользнулся на траве, ударил слабо, мяч попал в руки вратарю.

– Вот слабак! Больше не выходи на поле, не позорь меня, – со злостью выговаривал Данила по дороге домой.

Владик шел молча. Его душили слезы, но разрыдаться при брате он не мог.

2

Кроме футбола у Данилы была еще одна страсть: он любил ходить в походы. Его путешествия были любительскими. Мальчик вместе с парочкой друзей выбирался за станицу, жарил на костре сосиски, собирал дикие яблоки и абрикосы, удивительно ароматные и сочные. Потом ребята долго купались в речке, играли в мяч на воде, гордо называя придумку речным футболом. В конце дня, уставшие и счастливые, приходили домой.

Но еще больше Данила любил рассказывать о своих походах двоюродному брату, не забывая приукрасить события. Ему нравилось наблюдать, как расширялись зрачки у Владика, как мучительно он вслушивался в разговор и расспрашивал обо всех мелочах. Данила же любил пофантазировать: то он помогал пасти коров и вечером нашел телку, отбившуюся от стада, то бродил по замерзшему озеру и едва не провалился под лед, поскольку не заметил полынью, то спас из речки маленького котенка, а потом нашел ему хорошего хозяина.

Влад не раз просился сходить вместе с Даней в поход. Да так, чтобы выйти ранним утром, взять с собой картошку, запечь в золе. Побродить по безлюдным холмам за речкой, собрать немного дикой земляники

и непременно отправить маме несколько фотографий. Данила постоянно отнекивался. То забыл позвать с собой, то решил пойти в поход в последний момент, даже соврал, что однажды рано утром заходил за братом, но не смог разбудить.

– Хочешь, я за поход дам тебе планшет на две недели? – предложил Владик, используя последний шанс.

Предложение оказалось заманчивым. У брата был новенький планшет в кожаном чехле. Сенсор работал замечательно, не то что у Дани (старый отцовский телефон тормозил и уже давно просился в мусорное ведро).

– По рукам! – согласился Даня.

Он крутил в руках блестящий планшет, умело водил по экрану и изучал приложения. Интернет в станице ловил неплохо ближе к центру; на окраине, где жила бабушка, сигнал был слаб, поэтому играть можно лишь в приложения, работающие без сети.

– Вот это вещь, я понимаю! – с завистью вздохнул Данила. – Идем утром за Дарьевский мост, потом покатаемся на тарзанке, покупаемся, как обещал.

В тот вечер мальчик даже не пошел на футбольное поле. До глубокой ночи просидел в комнате под маленьким светильником, не расставаясь с новой игрушкой. В соседнем доме тоже долго не выключался свет. Влад мечтал об интересном приключении.

3

– Данька! Данька, вставай! – разбудил его голос. Цепкие и холодные пальцы сдавили теплое плечо и выдернули из сна.

– Ну что еще, – недовольно пробормотал мальчик.

– Данька, ты же обещал, что мы идем в поход.... Я тебя с восьми утра жду! – выговаривал Владик.

– Я проспал... – сел на постели и заметил, что часы показывали десять. – Ладно сейчас соберемся и пойдем.

Владу хотелось кинуться на брата и бить его по спортивному телу. Но мальчик лишь молча сжал кулаки, ногти до боли вжались в мягкую кожу ладони. Даня медленно, как бы издеваясь над братом, переделся, тщательно вычистил зубы, выпил чай с бутербродом. Они вышли из дома около одиннадцати утра.

Данила хотел спать и думал лишь о том, как бы погулять пару часиков, потом немного размяться и поплавать на речке, лишь бы не-сносный брат, зануда и слабак, отстал от него. Затем можно вернуться домой и снова играть на планшете.

Братья недолго бродили по холмам, собирая землянику. Данька знал хорошие места, но туда нужно было идти пару часов, а гулять так долго не входило в его планы. Ягода попадалась редко, да и та оказалась мелкой и кисловатой. «Горе, а не земляника», – вздыхала бабушка, когда видела такой урожай.

Огненное солнце палило. В маленьком ведерке лежало немного ягод, лишь прикрывающих дно. Фотографировать добычу было стыдно. Разговор у мальчиков не клеился. Владик пытался рассказать о том, как мама водила его в Эрмитаж и военный музей, а папа вывозил в лес, где они собирали голубику.

– Нашел чем хвастаться! А мы клубнику в огороде собираем ведрами, – ответил Даня, помолчал и добавил: – Скоро пойдем домой. Печет сильно...

– Ты хорошо плаваешь? У нас бассейн в школе есть, тренер даже нырять меня научил, – снова пытался завести разговор Владик.

– Ой! Нужен мне твой тренер! – с завистью ответил Даня. – Я и сам научился нырять. Даже сальто могу делать. А погнали, покажу тебе!

Внезапно у Данилы родилась увлекательная мысль. На правом берегу речки, в зарослях ивняка, на берегу была заброшенная тарзанка. Конечно, местное развлечение имело лишь отдаленное сходство с настоящей тарзанкой. Еще в середине девяностых парни привязали к высокой ветке дерева длинную веревку с удобной петлей на конце. Мальчишки хватались за петлю, разгонялись, отталкивались от края небольшого деревянного мостка и с криками летели над водой. Одни ныряли, другие просто катались, возвращаясь на мосток. Еще пару лет назад тарзанку очень любили, вечерами выстраивались очереди из желающих повеселиться. Но после того как один из мальчиков нырнул под воду, ударился головой о корягу и остался инвалидом, игры прекратились.

Данила прекрасно помнил эту историю. Но ему захотелось проверить себя: струсит или нет. А еще больше захотелось проверить, струсит ли Владик.

– Ты уверен, что тарзанка не порвется? – спросил Владик, осторожно осматривая и подергивая веревку.

– Уже испугался?

– Нет, но видно, что тут никто не катается.

Данила ничего не ответил. Схватился за петлю, разогнался, оттолкнулся всеми силами от края мостка и полетел над речкой. Дерево заунывно закрипело.

– Ууууух! – закричал Данила, спрыгнув на край доски. – Я сейчас прокачусь снова. А тыними мне видос... Я вечером на страничку залью.

– У меня телефон сел, – разочарованно ответил Владик, покрутив в руках сотовый.

– Эх ты... Снимай на мой! – Данила достал из кармана свой мобильник.

Мальчик снова разбежался и полетел на веревке над рекой. Влад снимал момент полета.

– Сейчас такой видос будет! – закричал он, подошел к краю мостка, неловко поскользнулся на мокрой доске и выронил телефон.

Сотовый ударился о доску, отрикошетил и упал в реку в тот момент, когда Даня приземлился на мосток. Мальчишки замерли, молча наблюдая, как он тонет в темной воде.

– Прости, прости, Даня! Хочешь, я тебе свой планшет отдам! – виновато говорил брат.

– Слабак! Даже снять видос нормально не можешь! – со злостью кричал Данила, толкнул Влада в плечо. – Бери и доставай его!

– Даня, как я его достану? – защищался мальчик.

– Как хочешь! Живешь как слабак и всю жизнь таким останешься! – в сердцах крикнул Данила.

– Не останусь! – неожиданно для себя закричал Влад, разбежался по мостику и внезапно нырнул в черную воду.

– Стой! Там же коряги торчат! Разобьешься! – закричал Данила. Но ступни Влада уже скрылись под водой.

Мальчик с ужасом смотрел на мутную реку, вспоминая, как в прошлом году здесь случилось несчастье. Колька также нырнул, катаясь

на тарзанке, ударился головой. Его вытащили из реки, смогли спасти, но подросток остался глубоким инвалидом.

Данила еще несколько секунд смотрел на волнующуюся воду, Влад не выныривал. Мальчик быстро опустился на берег, побежал по глинистому дну. Он вдохнул полную грудь воздуха и нырнул. Глаза невыносимо резало, казалось, в мутной воде ничего нельзя было разобрать. Руками он щупал глинистое дно, плечом задел острую корягу. Воздуха не хватало, и Даня вынырнул, снова набрал полную грудь воздуха. Опять темнота. «Только найдись, только выживи!» – молил про себя.

Наконец рука нащупала что-то мягкое. Даня схватил брата за футболку и поплыл наружу. Владик начал судорожно хватать ртом воздух, цепляться за брата. Данила с трудом проплыл пару метров, его закаленное тело обмякло и устало, из последних сил он вытягивал захлебывающегося брата. Ноги коснулись глинистого дна. Мальчик выдохнул.

Они сидели рядом друг с другом.

– Я не нашел твой телефон. Прости! – наконец, заикаясь, сказал Владик. – Запутался шортами в коряге, воздуха стало не хватать... Спасибо, что спас!

– Никогда так больше не делай! Ты не слабак, слышишь! – отчетливо сказал Даня, размазывая слезы по щекам.

Владик ничего не ответил. Его била крупная дрожь, но не от холода, а от страха.

Алиса ОРЛОВА

г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Дар

Понимаешь, закончился материал.
Просто мир этот слишком мал
Для сверкающих слов, что, как чёрная ртуть,
В небо выстелют путь.
Понимаешь, без драмы не выйдешь во двор
Покурить, глядя в чёрную ночь,
И с собой на листке записать разговор
Так, как был он, точь-в-точь.
Понимаешь, я солнце, и мне гореть
До скончания лет предстоит,
Прежде чем установит торжественно смерть
Над могилой моей малахит,
И слетятся вороны клевать семена
На горячий как нефть чернозём...
Понимаешь, я – слово на все времена,
Что к беде приковали живьём.
Но и в страшных конвульсиях я не хочу
Променять ни на что этот Дар:
Зажигая на кухне простую свечу,
Получать самый страшный пожар.

* * *

Природа — Великий Художник,
Творит из цепей ДНК
Пустырник, ковыль, подорожник...
А в небе плывут облака.

Все то, что лежит на сетчатке
Невидимым грузом миров —
Конфетка в хрустальной облатке,
Вязанка космических дров.

Их Бог потихоньку сжигает...
Как весел смертельный огонь!
А где-то снежинка летает
И падает мне на ладонь.

О

О городах, ждущих ночей молебна,
Об островах, болтающихся в нирване,

О кухонных драмах, чья сладкая грязь лечебна,
О корабле, заблудившемся в океане,
О птицах, выющих гнёзда прямо на рельсах,
О снах, пропитанных деструктивным страхом,
Об одиноких женщинах в театральных креслах,
О временах, выпитых одним махом,
О детских следах, ведущих вперёд, к оврагу,
О январе, накинутом на равнину,
О странной любви, без которой уже ни шагу,
О ненависти, прожитой наполовину,
О тридцати, тридцати пяти и дальше,
О бесконечности, узнаваемой по морщинам,
О всё пропитавшей, как сырость, фальши
И всё объяснивших невыспавшихся мужчинах,
О пустоте, подкравшейся из передней,
О заглянувшем в окна моём взрослении,
О сигарете, наверно, уже последней –
Я напишу как-нибудь в воскресенье.

* * *

В круговерти,
в предчувствии смерти,
что наступит не скоро – лет через двадцать пять,
имитируя жизнь на фейсбучной ленте,
заменившей книгу, блокнот, тетрадь,
заменившей жизнь... разговаривая с двойниками,
поводя плавниками,
как будто собравшись уплыть,
возвышаясь над пропастью
сонными
ледниками –
я пытаюсь тебя забыть.

Забываю сначала голос, потом улыбку,
золотую рыбку
касания
невзначай,
тиражирую, как взбесившийся принтер, свою ошибку,
ретранслирую в вечность
свою печаль.
Но на мутном стекле сознания
проступает
понемногу,
как будто дышит неслышно
Бог –
твое сердце, и лёд беспамятства
снова тает...

И немедленно
вслед за этим
звенит звонок.

Затмение

То ли ветер ворвался в комнату и хочет меня убить,
Шаря по всем углам розмариновой лапой сна,
То ли на самом деле так надоело жить
(Будь же хотя бы с собой до конца честна),
То ли срок поджигает, когда можно ещё поменять
Пусть не пол и не возраст – хотя бы статус в сети,
То ли хочется слишком сильно, чтоб ты меня мог обнять,
Не сводя с ума, не сбивая меня с пути,
То ли тот рыбацкий кораблик, что потонул вчера,
Слишком близко воспринят сердцем – как младший брат,
То ли жмут слова, что выходят из-под пера,
То ли мера моей вины возросла стократ,
То ли та ловушка, куда загнала себя сама,
Оказалась лучшим, что есть у мира мне предложить,
То ли просто затмение сводит меня с ума –
Но так трудно дышать и совсем невозможно жить.

* * *

Нет ничего, всё придумано из головы:
Этот день поперёк горла вечности, тёплый снег
На трепещущих ребрах задыхающейся травы
И пунцовый закат у самых Господних век.

Нет ничего, только взгляда напротив чернильный плеск
И летящий к твоим ногам пепельный мотылек,
И услужливый демон ночи, что нашу любовь доест,
И простуженный ангел смерти, что подарит ещё денёк.

* * *

Ты, Кто нашептывает мне слова –
Не сбивайся с ритма и не молчи: я могу ещё.
Я сожру их с хрустом, как огонь сырые дрова,
И бумажный ангел вздохнет и сядет мне на плечо.

И стальные птицы созвездий, сверкая, споют мне песнь
Со своих насестов о том, как хрустальна ночь;
И патлатый Бог засмеется, как будто и вправду есть –
И не просто есть, а может еще помочь...

* * *

Ну хорошо, я знаю: смерть моя,
Трепещущая птицей на морозе –
Прощальный танец, пристань бытия
Последняя; любовь в анабиозе,
Шершавый мир под лупой божества,
Венец терновый, выданный в награду
За то, что я в обёртке вещества
Смогла пройти по призрачному саду.

Сергей МИХЕЕВ

Нижний Новгород

Кензель

(new)

В мнимом мире пиаровом, в мнимом мире пиаровом
Вы ступили на подиум, освещенный софитами.
И дорожка ковровая, периньоном залитая,
Вся усыпана розами и сердцами разбитыми.
Все как будто задаром Вам, все как будто задаром Вам.
А Вы вся инстаграмная, вся такая фейсбучная,
И судьба уготована Вам, естественно, лучшая
В этом мире пиаровом, в этом мире пиаровом...
Отчего же грустите Вы, почему же так скучно Вам,
В блёстком вихре столичности, в полутьме кулуаровой?
Но, возможно, из прошлого кто-то Вам улыбается
Просто по-настоящему, не гламурно и лосково,
Пишет письма бумажные, подмешав в них французского...
Нет на Вас Северянина, нет на Вас Маяковского –
Лиле Брик посвящается...
Лиле Брик посвящается...

К тебе

Я к тебе подходил, ты держала мундштук
И смотрела серьёзно и мрачно,
И вопросом своим разбивала мечту:
«Что о жизни ты ведаешь, мальчик?»

Сигареты холодный ментоловый вкус,
Пальцы тонкие, тонкие Мого
Ты вдыхала и тут же впадала в тоску
Словно Волга в Каспийское море

В переходе между буржуазной мечтой
И нестройной моделью советской
То с Полковником ты уходила в запой,
То играла на скрипке с Поведским

Я пел гаудеамус, терзая латынь,
Ты мне вторила – хава нагила
Только твой поцелуй горек был как полынь
И прохладен как стены могилы

Я тебя потерял, дорогая, прости!
Ты сама не смогла бы остаться,
Ведь поставить мог против твоих 20-ти
Я тогда лишь свои 18-ть

Никогда не пойти больше в домик Петра,
И не быть мне зелёным студентом,
И встречает Монмартр тебя по утрам
Бело-облачно-мятным абсентом

* * *

Я сожгу свой лапсердак с прорехами
И надену новое пальто.
Эвон, из Москвы как понаехали –
Даже появился ром в сельпо...

На меня взглянули так небрежно Вы,
Но я испытал культурный шок
И подумал, может, Вера Брежнева?!
Или, может, кто-нибудь ещё?!

Эти все с рихтованными рожами –
Вроде молодежавые на вид,
Но жена Иосифа Пригожина
Даже рядом с Вами не стоит.

И с глазами этими оленьими
Мне не распрощаться никогда.
Я достал из погреба соления
И кольцо вморозил в кубик льда.

Вы такая милая, красивая,
Я припас Вам бабушкин платок.
Будем пить бакарди с апельсинами,
Я давлю из них руками сок.

А, быть может, лучше самогона Вам –
Первачка, лучок и сала шмат!
А хотите, буду Солу Монову
Вам читать хоть пять ночей подряд!

Буду руки гладить бесконечно Вам,
Нежно целовать в колена сгиб...
Не такой уж я и деревенщина,
Если что касается любви

* * *

Я тебя искал. Аксакалы скал
Не сказали, куда ты ушла,
И друиды древ вряд ли водят дев
В заколдованные леса

И раввин равнин всё равно один
Перед богом ли, перед тобой.
Даже гуру гор не заводят спор
О любви, что приносит боль

Мудрецы дворцов дочерей отцов
Вы смогли бы остановить?
Ведь духовный сан, чей в сутане стан,
Сам ныряет в любви финифть

Из озёр зеркал я тебя лакал,
И дрожал в отражении лик,
Только всё мечты, то была не ты –
Привидение или двойник

Ты умчалась в даль, где скупой вандал
За тебя не давал цены,
Он без лишних слов заходил в альков
И портреты срывал со стены

Этот мир мираж. Мендельсона марш.
На приманку судьбы не ловись.
И любовь лишь сон, призрачный балкон,
Рванный фантик от жвачки love is

И любовь лишь сон, шум прибрежных волн,
Мокрый фантики от жвачки love is

Маяковскому

Нет времени: ни доктора, ни палача,
Ни петропавловского, ни московского.
Я призываю Владимира Владимировича,
Нет, не Путина – Маяковского.

Я включил самописец, положил чистый лист,
Свалил канцелярские принадлежности в кучу,
Вы же самый известный в стране футурист!
Совершите, пожалуйста, ком бак ту ве фьюча!

Покажите, как должен быть ласков и груб
Революционер двадцать первого века,
Чтобы вырвать себя как здоровый зуб
Из искусственного рта хай-тека,

Как, целину космоса избороздя,
Вывернув наизнанку слепящие недра,
Светить любимой миллион лет спустя
Из какой-нибудь туманности Андромеды,

Как, после взрыва, метеоритами измельчась,
Путая марсианский и русский,
Бросить на Землю горячую страсть
В Подкаменную Тунгуску.

Владимир Владимирович, я готов
За вами хоть в воды Стикса,
Но я китами кормлю котов
И мышами древнего Сфинкса.

Анастасия БЕЗДЕТНАЯ

Нижний Новгород

* * *

Закрываю уши, глаза и двери –
Я себе не верю, я тебе не верю,
Я не верю солнцу, не верю ветру,
Прозреваю ядра, немею цедрой,
Обращаюсь в горечь, в тоску свиваюсь,
Бесконечно долго молюсь и каюсь,
Я сижу над белым, от букв чернея,
Я опять запуталась, где я, где я?
Так я вновь и вновь становлюсь антенной
И пульсирует мир, как пульсируют вены,
Как пульсирует память на синей коже,
Разгораюсь вновь, отпускаю вожжи
И меня несёт по течениям слова,
Возвращаюсь в морок снова и снова
И рычу на сны, как лесные звери.
Я себе не верю и тебе не верю.

* * *

С посвящением Диме Дергалову

Я гуляю по небу босая
И дождейки на землю бросаю,
Из пустот улыбается Бог,
Я веду свой настёночный блог,
В красоту потихоньку врастаю.
А когда я трясусь от обиды
И меня донимают адлибы,
И коверкают правильный слог –
Понимаю, что путь мой полог,
Но зато открываются виды
На соцветия звёздных дорог.

У Луны очертанья шмеля,
Вся в пуху под ногами земля,
Я гуляю по небу босая.
Солнце вынесет день за поля
И раскурит туманный кальян,
Сонных глаз моих молча касаясь.

Переезд

Бытие переезжает,
Из окошка быт глядит.
Он почти неузнаваем,
Провожает караваем
Соли, боли и обид.

Травмы, геть по чемоданам:
Нынче, нынче поезд в ночь.
Суй билеты по карманам,
Спутник мой непостоянный.
Мой талантец в пыль толочь –
Неотложные дела.
Жизнь, гори. Стори дотла.

Дао дэ цзин

Вот как это бывает.
Стоишь над кастрюлей с кипящим рисом,
А тут тебе приходит новое

Стихотворное чудо.
Рис, естественно, убегает.
Рис следует пути всякого риса.

Мелочь

Отгородившись спиной
От бесполезных пешеходов,
Она встала на колени
(На асфальте трепетала распахнутая газета).

Не замечаемая никем,
Кроме ветра,
Она
Низко склонилась
Над скрипкой,
Нежно кутая инструмент,
Будто уснувшего младенца.

В банке для мелочи –
Пустота.

Поездка летним вечером

Тут два часа гроза гремела,
И, словно пёс, встряхнулся лес.

Как радуга, ты пролетела
Над лужами, над перекрес...
Над перекрестьем двух шоссеек,
Куда ползёт червяк-пунктир...
Успела! Вот он, новый мир!
Сжимая солнце за ошейник,
Вразброс швыряя облака,
Природы дикая рука
Маячит над пустой дорогой...
И, красками делясь с тобой,
Плывёт над северной землёй
Цветок заката. Имя Бога –
Наклейка на велосипед...

Минута – и заката нет.

Вера КАРАВАНОВА

Нижний Новгород

Гуди, варган!

Хлебай теперь свою свободу.
Залей в утробу океан.
Спинакер разорви в угоду
Шальным ветрам. Гуди, варган!

Греби обломанным футштоком,
Земля – мираж, земля – обман!
Ты в иступлении глубоком,
Кричишь ветрам: «Гуди, варган!»

Хмелей на пару с Посейдоном,
Пусть веселится ураган...
К чертям – сажать миндаль у дома!
Гуди, варган!

* * *

В мятной воде кривляются небо с солнцем,
Пляшут по волнам блики Петрова дня.
Лето, впадая в Лету, быстрее несётся.
Осень стоит на рейде и ждёт меня.

Осени ждёт уставший от жизни лоцман...
Ёжится мятый бакен, судьбу кляня.
Тонет в речной воде отраженье солнца,
Пляшут по волнам блики Петрова дня.

* * *

Все самолёты давно улетели на юг.
И, запуская им вслед самолётик тетрадный,

Я никуда не спешу, ежегодный мой круг –
Девять шлюзов по весне, ну и девять обратно.

Зыбкая клякса луны в отраженье реки
Мне навевает мотивы в египетском стиле.
Стон разводного моста у посёлка Пески.
Рация скрипнет: «Счастливо, семь футов под килем!»

* * *

Дом заплакал вместе с непогодой,
Тазик под капелью – через край.
Табурет расхлябанный негодный
Застонал под тяжестью – слюняй.

Размывая краски и дороги,
Превращая площади в моря,
Ливень, словно пьяница безногий,
Катится, тележкой гремя.

Дождик с потолка – ещё не горе,
Руки-ноги целы – хорошо!
Видно, слишком сильно рвался к морю,
Раз оно само к тебе пришло!

Игорь ЗАЙЦЕВ

Нижний Новгород

Рэпчик

Папа, я выросла! Дед Мороз ещё жив, но я уже взрослая!
Мне целых 9 лет, но воспитывать поздно меня!
Как тебе этот клип? Стрёмно, или заходит?
Как, у тебя жизнь, скажи... Может, что-то в ней происходит?
Кажется, ты снова влюбился, пап!
Я чувствую. Познакомишь?
Мама желает счастья тебе! Ругается, что не заходишь.
Ну, знаешь сам, у неё дела. И подрастает братик.
Он очень прикольный, да, я его тоже люблю. Но да ладно,
о нем и об отчине, хватит.
Я ходила вчера в дельфинарий, да. Как видос тебе, что присылала?
Котик морской очень миленький там. А мороженого было мало.
Из-за всяких там передрыг, вряд ли этим летом будет мне новый велик...
Ты, не кашляй там, не болей, я пойду, потуплю в телик.
А ещё мы ездили в Городец, на крылатом, как жук, «Метеоре».
Это круто! Ну полный трендец! Роспись, пряники, все такое!
Ты, давай, не скучай, не болей! Будет случай, заберёшь меня
на недельку.
Помнишь, сидя на плечах твоих, хрумкала виноград? Гарри Поттера
седьмой фильм помню, но мельком.
Я хочу там, у тебя ещё посмотреть, и послушать, ну, это...
А... Накрылся сразу телик и комп? Ну, чини их быстрее! Покеда!

«Вдали он подобен цветным парусами корабля!» –
 Писал Гумилев для своей донны Анны,
 И кажется, что под ногами быстрее вращалась Земля,
 Когда конквистадор стремительно шёл за своею желанной!
 В руках его цвел восхитительный сад
 Тропический или кипевший весною
 Сквозь питерский дождь, под разрыв канонад
 Ещё не случившихся, тою волшебной порою!
 Мгновенья счастливые часто ли в жизни даны?
 Иным и не снилось, ах, если бы ранней весною
 К ним эти вибрации музыки сердца зашли
 И не уходили, как гости ночною порою!

Лейла ОРЕН

Нижний Новгород

Фантом вечной памяти

(Из цикла «Суховей»)

В закоулках памяти – ненужный непрожитой вечности фантом
 Ты ему: «Вали отсюда, ну же!» Он же всё толкует не о том:
 Балаболит о забытой вере, верности и прочей ерунде,
 О какой-то странной старой мере, что в ребре и, может, в бороде,
 Крутишь у виска, послав подальше, шлёшь в сердцах и в путь,
и с ветерком.
 Он толкует о пределе фальши в мире, что привык жить кувырком.
 Ты ему: «Пора, родной, отселе!» Он – лишь руки к небу, шепчет бред.
 Вспомнил вдруг он сельского Емелю, рыбий хвост –
и всё, пиши привет!

Ты вдруг на перроне с мамой. Лето. И тебе уже почти что
ровно шесть,
 Ты на электричку два билета сам берёшь и ищешь место сесть.
 Бабушки и дедушки в толкучке: с сумками, с корзинками и про...
 Шум да гам довёл тебя до ручки, а тебе ещё бежать в метро.
 Тут и там – бомжи, воняет жутко. Привокзальный запах беляша.
 Фу, забудь!... До дома на маршрутке. В дом вошёл –
и в ванну, чуть дыша...
 Что тебе от этих ощущений? Всё прошло – хоть тяжело,
хоть смешно...
 Было – не было, а сердце щемит. Будто бы и вспомнить не грешно.

Жужечка

(Из цикла «Горсть воспоминаний»)

Листья багряные ветер поднимет,
 Видя под ними жука –

Росчерки рьяные в небушке синем
Он не осилил пока.

Жук зажужжит и надкрылья расправит:
Крылья торчат из-под них.

– Ой, не спеши, наша деточка малая...

Жук в одночасье притих.

– Жужечка-жужечка! – девочка кличет,
Ловит на память жука.

– Ну же, подружемся! – девочка ближе –
Жук надувает бока.

Раз, и взлетел – и за ветром, а девочка
Машет и машет жуку.

Множество дел незаметно исчезнет, но
Память о них сберегу.

Где этот жук? Где пытливая малая –
Девочка прошлого дня?

– Вдруг, всё же вдруг за осенними ставнями
Жук не забыл про меня.